

НАСТАВНИКИ ГЕНЕРАЛОВ »

Лариса Кучерова
kucherova@vayar.sml.by

СУДЬБЕ НАВСТРЕЧУ

Каждому из нас при рождении определен жизненный путь. Судьба. В этом уверен мой собеседник. Именно она сквозь тернии ведет нас за руку к тем ключевым, знаковым событиям, которые и наполняют нашу жизнь смыслом. Определяют ее содержание. Именно она готовит нас к важным решениям, поступкам и свершениям. И спасовав перед трудностями, изменив дорогу на более легкую, мы обречены потерять себя. Возможно, навсегда.

Не берусь судить, что двигало любознательным бобруйским пареньком в его желании надеть на плечи алые погоны суворовца. Он и сам спустя годы вряд ли сможет найти конкретные причины такому решению. В его роду военных не было. Однако, получив свидетельство об окончании восьмого класса, юноша направился в столицу, твердо решив связать свою жизнь с армией. Переступив через КПП Минского суворовского училища, он сделал первый шаг на пути к своей Судьбе. Звали его Вячеслав Шумилов.

Сегодня генерал-майор Вячеслав Шумилов — кандидат военных наук, доцент, начальник факультета Генерального штаба Вооруженных Сил — заместитель начальника Военной академии Вооруженных Сил Республики Беларусь. Именно о нем и пойдет рассказ.

***

Став суворовцем, Вячеслав сразу же осознал правильность своего выбора. Несмотря на то что в школе он был хорошистом, поначалу в училище Шумилову пришлось нелегко. И было отчего. Здесь преподавали лучшие педагоги, заслуженные учителя. Требования к уровню знаний воспитанников

они предъявляли высокие. Поблажек никому не давали. Поэтому обучение пришлось начинать практически с нуля. Строгая дисциплина, распорядок. Армейский ритм, армейский дух, традиции — все было мальчишке по сердцу. Именно этого требовала его юная

пытливая душа. Новая жизнь ложилась на паренька без морщин и складок, точно предварительно кто-то неведомый снял с него лекала и предложил дело по размеру. Дело, которое ему было впору.

Но более всего он ощутил верность выбранного пути в Ленинградском дважды Краснознаменном высшем общевоинском командном училище имени С. М. Кирова. Хотя по предварительным раскладкам Вячеслав должен был отправиться в Московское высшее общевоинское командное училище имени Верховного Совета РСФСР. То, что постигать военную командирскую науку ему пришлось на берегах Невы, генерал Шумилов сегодня считает одной из своих главных жизненных удач. И дело не только в возможности прикоснуться к славной истории и великим гвардейским традициям, которые витали над городом. Ленинград — это особый мир. Государство в государстве. Вечный город вечной славы.

Там, в стенах этого прославленного училища он вновь, более остро и явственно, почувствовал себя на своем месте. Мелодика городских улиц, по которым он бродил в редкие часы увольнений, их неповторимый, пропитанный прошлым духом, плотно совпадали с его внутренним «я». Он впитывал вековые традиции старой офицерской гвардии с воздухом, пронизанным сырыми невскими ветрами.

Свободного времени практически не было. График занятий был насыщен и напряжен. Физподготовка трижды в день: утром, в обед и вечером. Стреляли из всех видов оружия. Неудивительно, что острые на словцо курсанты шутили, мол, мы должны бегать, как кони, стрелять, как ковбои.

***

Именно в училище сформировался характер Вячеслава, его внутренний офицерский стержень. Его представление о долге, чести и сути офицерской службы. И эти представления совершенно не совпали со спецификой учебной дивизии Московского военного округа, в которую его направили по распределению летом 1981 года. Уже через год молодой лейтенант понял, что начинает деградировать

как офицер, как командир. Бег по кругу, а именно так он определил для себя службу в учебном полку соединения, был не для него. Душа требовала движения. Динамики. Командирского роста, совершенствования, постижения новых форм и методов ведения боевых действий. А где можно все это постичь, как не на войне?

С весны 83-го лейтенант стал бомбить командование полка своими рапортами с просьбой отправить его в Афганистан. Туда, где полыхало пламя настоящей войны. По его разумению, пройти через горнило реальных боевых действий должен каждый офицер. По большому счету, в то время так думал практически каждый выпускник командного училища. Время было такое, как сказал один мой коллега, когда «звездочки на погонах были маленькими, а желание служить — огромным».

Его рапорт долго оставался незамеченным. Командир полка подполковник Владимир Сошенко делал все возможное, чтобы оставить Шумилова в части. Даже в отпуск отправил, чтобы не дать ему возможности уехать по разнарядке, пришедшей в часть.

— Владимир Иванович, я все равно уеду в Афган. Не держите меня, — решительно сказал лейтенант своему командиру после написания очередного рапорта.

Видно, в его словах и голосе было столько решительности, столько уверенности в своей правоте, что Сошенко препятствий больше чинить не стал. В сентябре 1983 года старший лейтенант Шумилов ступил на пыльную афганскую землю. Путь его лежал в Кабул, в 180-й мотострелковый Краснознаменный, ордена Суворова полк 108-й Невельской дважды Краснознаменной мотострелковой дивизии.

***

108-я мотострелковая дивизия в Афганистане находилась с декабря 1979 года. И сразу же оказалась в самом эпицентре боевых действий.

В ее задачи входило обеспечение безопасности движения колонн по маршрутам Доши — Кабул, Кабул — Джелалабад, а также охрана важных экономических и стратегических объектов, таких как склад горюче-смазочных материалов, плотина и узел ГЭС в Суруби, кабульский аэродром, электростанция в Кабуле, элеватор... На тот период это была самая многочисленная мотострелковая дивизия в Вооруженных Силах СССР. Количество личного состава 108-й мсд на момент вывода войск насчитывало 14 000 военнослужащих. Данное соединение имело единственную в своем роде структуру по количеству и качеству вооружения и боевой техники. В ее составе было четыре мотострелковых полка, в каждом из которых числилось 2200 военнослужащих. Острословы тут же приклеили им «почетное» наименование «китайские полки».

180-й мотострелковый полк был одним из них. Дислоцировался он на окраине Кабула, недалеко от штаба 40-й армии, находившегося в бывшем дворце Амина, с штурма которого и началась афганская эпопея.

Воевал полк много. Часто. Бросали его на разные довольно удаленные от Кабула участки, потому как был мобилен. На вооружении находились БМП.

Старший лейтенант Шумилов летел в Афганистан в полной уверенности, что ему придется командовать мотострелковой ротой. Когда же на аэродроме его встретил сменщик — капитан Иван Чаплинский, стало очевидно, что принимать придется должность помощника начальника штаба пол-

ка. Самого начальника штаба в тот момент в части не было. Он находился на боевом выходе. Однако со вступлением в должность произошла заминка.

В процессе приема-передачи молодой офицер обнаружил около трехсот неучтенных душ. По документам, «де-юре», они значились в полку. Однако все указывало на то, что их здесь «де-факто» не было. И никто не знал, где они находятся.

— Товарищ подполковник, я не могу принять должность, — сказал Шумилов командиру полка подполковнику Ядрышникову.

— Как это не принимаешь?! — ошалел офицер. — Ты что, старлей, обнаглел?

— У меня должность предполагает учет личного состава. Я вам докладываю, что около 300 человек в нашем полку нет в наличии.

— Как нет?! — и выслушав объяснения нового помощника, уже совсем другим тоном спросил: — И что теперь будем делать?

— Я пока не знаю. Но буду думать.

Начали разбираться. Пересчитывать снова личный состав. Буквально по головам. Поставили в строй всех — от заместителей командира, командиров батальонов вплоть до кухонных работников. Кое-кого нашли, но не всех. Это был шок. Как докладывать наверх? Речь шла не об одном и не двух бойцах. Потерялись практически три роты...

В. Ш. (генерал-майор Вячеслав Шумилов): «Произошло же следующее. Раненных во время проведения боевых выходов военнослужащих на вертушках увозили в госпиталь в Кабул. Случалось, что кого-то с наиболее тяжелыми ранениями потом отправляли в Союз. Затем увольняли. Люди уезжали домой. А с учета в полку их никто не снимал. Приходило новое пополнение. Ситуация неоднократно повторялась. Вот за три года и набралось так много людей... В текучке боевых будней о них просто забывали. И это оказалось для меня наиболее чудовищным».

▲ Пионерское детство

...ОН ЛЕТЕЛ В АФГАНИСТАН В ПОЛНОЙ УВЕРЕННОСТИ, ЧТО ЕМУ ПРИДЕТСЯ КОМАНДОВАТЬ МОТОСТРЕЛКОВОЙ РОТОЙ. КОГДА ЖЕ НА АЭРОДРОМЕ ЕГО ВСТРЕТИЛ СМЕНЩИК — СТАЛО ОЧЕВИДНО, ЧТО ПРИНИМАТЬ ПРИДЕТСЯ ДОЛЖНОСТЬ ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ПОЛКА

▼ Суворовец Вячеслав Шумилов (слева) в увольнении

О ситуации доложили по команде. Делом заинтересовались сотрудники военной контрразведки. Разослали запросы во все военкоматы, госпитали на всех отсутствовавших. Через два-три месяца пошли ответы. Через полгода нашли практически всех. Осталось найти пять человек.

Вот здесь уже в расследовании сыграла ключевую роль именно военная контрразведка. Нашли еще троих. А двоих все равно нет. Рядовой Мухин и еще один боец, фамилия которого с годами стерлась из памяти Шумилова. Его-то, точнее его останки с зажатым в руках автоматом, нашли недалеко от выносного поста, на который было совершено нападение душманского отряда.

СКАНДАЛ РАЗГОРЕЛСЯ ПОСЛЕ ТОГО, КАК СПУСТЯ МЕСЯЦ ПОСЛЕ ПОХОРОН МАТЕРИ СТАЛИ ПРИХОДИТЬ ОТ «ПОГИБШЕГО» СЫНА ПИСЬМА...

На склоне горы у дороги Кабул — Суруби за камнем, где он, судя по всему, отстреливался от наседавших «духов».

Оставалось найти Мухина.

В это время на реке Суруби обнаружили труп советского военнослужащего. От тела к моменту обнаружения уже мало что осталось. Опознать парня было практически невозможно. Предположили, что это и есть рядовой Мухин.

— Я не берусь ручаться, что это он. Здесь надо быть аккуратными, — сказал Шумилов.

Дело с поиском «мертвых душ» всех в полку порядком утомило. На молодого офицера стали давать Мол, подписывай акт опознания, и закроем вопрос. Кто же это, как не Мухин?

Признать — означало отправить родственникам парня извещение о его гибели и груз 200. А в памяти Шумилова занозой сидела случившаяся накануне его прилета в Афган история. Когда перепутали что-то в документах и отправили гроб с телом бойца, имевшего очень распространенную в Средней Азии фамилию — Юлдашев, по другому адресу. Его там и похоронили, и оплакали. Скандал разгорелся после того, как спустя месяц после похорон матери стали приходить от «погибшего» сына пись-

ма... Повторять чужие ошибки Вячеслав не хотел.

— Пока не убедимся на сто процентов, что это он, документы не подпишу... Будем искать медицинскую книжку Мухина.

Тело отправили на экспертизу в анатомическую лабораторию. Пришел ответ: это не Мухин. А через два месяца он объявился сам. Обосновавшись на Западе, пропавший солдат дал интервью одному западному каналу.

Такая вот арифметика.

В. Ш.: «Часто о раненых, отправленных в госпиталь, забывали. Были случаи, когда родители, озабоченные долгим отсутствием писем от сыновей, начинали бить тревогу, а никто не мог сказать толком, где боец находится. Такое наплевательское отношение к учету личного состава меня просто поражало. В последующем я всеми доступными способами боролся с подобным разгильдяйством и халатностью».

***

Через год старший лейтенант Шумилов стал старшим помощником НШП. Работа, с одной стороны, была штабная. Однако и на боевые ему доводилось нередко выезжать. Раз в месяц, как минимум. Если на операцию выезжал начальник штаба, он отправлялся вместе с ним.

Однако Шумилов был частым гостем в районе проведения боевых действий еще по одной причине. На нем лежала обязанность оформления наградных документов на военнослужащих. И главной своей задачей Шумилов считал максимально сократить путь прохождения всех бумаг и ускорить процесс.

Уходит, оседлав бээмпишки, батальон на боевые, а Шумилов отслеживает информацию, как проходят боевые действия. Держит руку на пульсе. Кто получил ранение, кто погиб, кто отличился, кого представили к награде. Получив оперативную информацию, сразу готовил документы и, не дожидаясь возвращения командира полка, который часто был на выходе вместе со всеми, садился в вертолет и отправлялся в район проведения операции. Чемодан с документами, пара гранат — и вперед. Потом летел к командиру дивизии, чтобы подписать наградные листы. Заходил прямо к нему, без лишних политесов. Другого выхода не было. Тот уже запомнил решительного старлея и, уважая причину такой настойчивости, всегда подписывал представленные документы без лишних слов. Затем Шумилов летел в штаб армии...

В результате, сослуживцы еще не успевали вернуться, а у него уже все документы были подготовлены и подписаны. Сразу по возвращении награды вручали тем, кто их заслужил. Бывало, что награждали прямо в «окопе» на боевых. Солдаты порой плакали. И эти слезы были для Шумилова лучшей наградой.

Всю опасность этих перелетов поймет только тот, кто сам воевал в Афганистане. Вертолеты были для душманов сладкой целью. Желанной и вполне доступной. Отправлять же бумаги почтой значило растянуть процесс на месяцы... За это время бойцы увольнялись. Награды терялись или же присваивались себе ушлыми дельцами.

Такое тоже случалось на той войне.

***

Потерь в Афганистане у шурави было много. Самыми обидными были потери не боевые. Из-за беспечности и безалаберности. И хотя главным источ-

ником этой безалаберности были солдаты, к мальчишкам, вырванным из мирной жизни повестками и брошенными в самое пекло чужой, непонятной войны, генерал Шумилов сегодня испытывает большое уважение.

В. Ш.: «Лучше нашего солдата на той войне воинов не было. Им всем надо памятник поставить. Нашей непобедимой славянской душе, славянскому духу. Я все время поражался тому, откуда в их тощих измотанных телах бралась такая сила, такая мощь. До сих пор не знаю. Идут они в горы. Ташат на себе по 30–50 кг. Иначе нельзя. Без одежды замерзнешь. Без воды и еды — обессилишь, без боекомплекта — погибнешь. Ладно, я — офицер. Меня четыре года к этому готовили. А его, пацана, только от маминой юбки оторвали. В этот ад бросили. И они не пасовали. Они очень переживали за отделение, за взвод, за коллектив. И в этом коллективизме была наша сила. Именно солдаты стали основным костяком, с которым мы победили.

Мы войну в Афганистане не проиграли. Ее проиграли политики. Военные организованно пришли и так же организованно вышли.

Воинский коллектив живет одним духом. Но война — страшная вещь. Коверкающая людские души. Ломающая нашу суть. Когда человек видит кровь, выпотрошенные трупы своих товарищей, он может потерять нравственные ориентиры, сломаться, перейти за черту и стать уже не воином, а убийцей. И только коллектив может и должен удержать его у этой черты. Не дать ее переступить».

Шумилову самому не раз приходилось видеть, что душманы творили с телами наших солдат и офицеров. То, что он видел, не поддается никакому описанию... До сих пор не может забыть чудовищные картины далекой, но не позабытой войны.

После возвращения Вячеслав не мог прийти в себя около года. Плохо спал. Отстреливался, подрывался на mine, снова и снова терял друзей, опознавал тех, с кем еще утром травил анекдоты... Война не отпускала его, и никто не приходил ему на помощь. В Советском Союзе реабилитацией вернувшихся из Афгана людей никто не занимался всерьез. Потому как мы там не воевали. «Де-юре». Что происходило за речкой «де-факто», обнародовать не спешили. Их тихо награждали, тайными указами присваивали звание Героя, их стыдили, не видели, не замечали их душевной боли. Сломанной психики, жизни, судьбы. Шумилов справился со своей болью. Со временем она немного улеглась, притупилась. Другим повезло меньше. Многие сломались, не выдержав психологический груз. Ломали свои жизни, судьбы, семьи. Кто-то начинал пить. Кто-то сводил счеты с жизнью. Кто-то вновь и вновь отправлялся на большие и малые войны, коих в последние годы было достаточно. Почувствовав запах крови, они так и не смогли остановиться. Остались на войне, так и не сумев выйти из боя.

***

Война пощадила лихого старлея. За два года у него не случилось ни одного ранения. Хотя костлявая странница лизнула его с другой стороны. Наградив гремучим коктейлем гепатита и тифа, которыми он переболел практически одновременно.

Гепатит свалил его буквально накануне отъезда в отпуск. Офицер потерял сознание прямо в духане на кабульском рынке, где он покупал домой подарки. Видно, в тот момент его небесный покровитель здорово постарался, оберегая жизнь своего

подопечного. Шумилов лишился чувств, когда был один на один с хозяином этой небольшой лавочки. И тому ничего не мешало скрутить неподвижное тело и передать за приличное вознаграждение в горы. За офицера «духи» платили большие деньги. А за штабного — и того больше. Духанщик оказался сочувствующим новой власти. Как мог, оказал Шумилову первую помощь. К тому моменту подошли товарищи. Отправили Вячеслава в госпиталь.

В Кабуле их было два. Один — стационарный — для тех, кто получил ранение. Другой — полевой — развернули на аэродроме для больных инфекционными болезнями. Их наплыв был очень велик. Поставили палатки. Разделили хлипким забором на две части: для больных тифом и гепатитом. Никто особенно не следил за нарушителями инфекционной границы. И народ, в своем большинстве невежественный и несознательный по медицинской части, ходил друг к другу в гости. Во время таких визитов Шумилов тиф и подхватил. Инкубационный период помешал распознать довесок сразу. Оправившись от желтухи и потеряв 20 кг, Шумилов отправился в отпуск. В минском аэропорту его встречали жена и отец. Но, не узнав, прошли мимо.

Тиф нагнал Вячеслава в Крыму, в военном санатории. Врачи долго не могли поставить диагноз. Пока не привезли тающего на глазах офицера в симферопольский госпиталь. К счастью, там служил военврач, прошедший через Афган.

— Парень, ты мой клиент, — сказал он после первого же осмотра.

После коктейля уколов стало полегче. В госпита-

▲ Старший лейтенант В. Шумилов

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ РЕАБИЛИТАЦИЕЙ ВЕРНУВШИХСЯ ИЗ АФГАНА ЛЮДЕЙ НИКТО НЕ ЗАНИМАЛСЯ ВСЕРЬЕЗ. ПОТОМУ КАК МЫ ТАМ НЕ ВОЕВАЛИ. «ДЕ-ЮРЕ». ЧТО ПРОИСХОДИЛО ЗА РЕЧКОЙ «ДЕ-ФАКТО»...

◀ Знаменосец лейтенант Вячеслав Шумилов. 7 ноября 1982 года

▲ Этот снимок сделан на одном из советских блокпостов во время того злополучного выезда, чуть не стоившего Вячеславу Шумилову жизни

СЕГОДНЯ ГЕНЕРАЛ ШУМИЛОВ ИСКРЕННЕ УБЕЖДЕН, ЧТО В ТОТ ДЕНЬ ОТ ВЕРНОЙ СМЕРТИ ЕГО СПАС ВШИТЫЙ В РЕМЕНЬ МАТЕРЬЮ ОБЕРЕГ. ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ОНА УМОЛИЛА СЫНА СХОДИТЬ К МЕСТНОМУ ЗНАХАРИЮ

ле аврал — первый больной с позабытым заболеванием за все время.

Мог ли Шумилов остаться после выздоровления в Союзе? Конечно, мог. Теоретически. Однако на практике он не смог не вернуться к своим боевым товарищам. Не мог оставить незавершенной свою войну. Не мог не выполнить свой долг до конца. И это следование долгу чуть не стоило ему жизни.

***

В тот день старший лейтенант Шумилов должен был погибнуть. Шансов выжить у него практически не было... А дело было так. Их колонна отправилась проверять посты на трассе Кабул — Суруби и угодила в засаду. Угодила случайно. «Духи» подготовили ее не для них. Заминировали глухой участок дороги, заняли высоты и ждали, когда вереница машин, направляющихся в Кабул за продуктами, вползет в западню. Группа, в которой ехал Шумилов, вышла навстречу обреченным на гибель. Так получилось, что к заминированному участку они подошли одновременно. Душманы даже подбили

из гранатомета машину из той колонны. Шумилов отчетливо видел трассер, летевший в нее. Видел, как подлетела подбитая машина, как колонна замешкалась... И на мины втянулись именно БМП Вячеслава и его сослуживцев.

С гор их стали поливать плотным огнем притаившиеся за камнями душманы. Шурави ошестинились ответными очередями. Реальность перестала существовать. Замерла. Остановилась.

Бой длился минут семь, не больше. Не ожидав подхода второй группы, душманы растворились сре-

ди камней. И только после того как они ушли, осматривая место засады, Шумилов обнаружил устройство взрывателя и ведущий к трассе перебитый пулей провод...

Фугасы вынимали прямо из-под гусениц БМП, на которой ехал помощник начальника штаба.

Сегодня генерал Шумилов искренне убежден, что в тот день от верной смерти его спас вшитый в ремень матерью оберег. Перед отъездом она умолила сына сходить к местному знахарю.

— Сынок, — сказал старик беспечному молодцу, явившемуся в его дом, только чтобы успокоить материнское сердце. — У меня есть молитва, которая меня на трех войнах спасла. В том числе и на империалистической. Она и тебя спасет.

Вячеслав с улыбкой наблюдал, как мать, скрывая волнение, вшивала в ремень заветный листочек. Молод был. Беспечен. Не мог до конца оценить силу слова.

Вспомнил он об обереге, когда молча курил, глядя на невзорвавшуюся мину, вытасченную из-под его машины...

***

Самое страшное на войне терять друзей. А терять их по глупости и халатности тяжелее вдвойне. С Александром Телковым Вячеслав учился в училище в одной роте. Они не были в училище близкими друзьями. Но встретившись под горячим кабульским солнцем, искренне обрадовались друг другу. Шумилов уже готовился вернуться на Родину. Срок его пребывания в Афгане подходил к завершению. Александр же только прилетел, был на войне новичком. И Вячеслав, не скупясь, делился со своим старым товарищем приобретенным за два года опытом. Старался максимально помочь ему адаптироваться в новых, доселе незнакомых условиях.

Его волновало недостаточно серьезное отношение бывшего однокурсника ко всему происходящему вокруг. Для Саши это скорее была игра, нежели реальность, очередные учения, маневры, максимально приближенные к боевым. Он не мог понять, что здесь всё по-настоящему. Всё. И стреляют, и минируют дороги, и устраивают засады... И убивают тоже по-настоящему, а не условно, как это было на советских полигонах. Осознать это было ему не суждено.

Старший лейтенант Телков погиб через месяц после приезда. Буквально накануне отъезда Шумилова. Его роту отправили на Суруби. Переезжали от поста к посту. В нарушение всех правил Саша сидел на башне, точно на учениях. Все случилось по обкатанной «духами» схеме. Засада. Обстрел колонны из гранатомета. Били по машине Телкова. Прямо под башню. Александра ударной волной выбросило из машины. Экипаж, выводя машину из-под огня, совершил маневр и рванул вперед. Даже не заметили, что командира нет. Остановились только на следующем блокпосту. Спыхватились, вернулись, нашли только тело, над которым вволю поиздевались душманы. Судя по всему, он был еще жив, когда его захватили...

***

В. Ш.: «Одна из главных ошибок той войны в том, что мы старались изменить мир, в который мы пришли. Лезли в их уклад. Нарушали его. Смещали жизненные оси. И тем самым настраивали против себя мирное население. Мы своими неправомерными действиями из крестьян делали врагов.

◀ Таким Вячеслав Шумилов вернулся из Афганистана

Уничтожая посеы, разоряя кишлаки. На той войне было очень много такого, о чем сегодня не хотелось бы говорить».

Шурави иной раз сами подталкивали дехкан к душманам. Река. Аул. Посеы. Жители оторваны от всего. Идет колонна, по ней со стороны кишлака выстрел. Кишлак ровняли с землей. Посеы уничтожали. Как на это могли реагировать крестьяне? Конечно, уходили в горы и пополняли бандформирования.

Само понятие «душман» — образ скорее собирательный, с конкретными людьми ничего общего не имеющий. Были и категорически настроенные против нас, сознательно вступившие на путь вооруженной борьбы. Были те, кто брал в руки оружие от страха перед этими радикально настроенными экстремистами. Кто мстил за погибших родственников. Были и те, для кого эта война была обычным способом заработать деньги.

Там, в Афганистане, на крохотных делянках, как правило, работали либо старики, либо женщины и дети. Остальные же шли в банды. Почему? Потому что аграрные революции и научно-технический прогресс обошли скудные афганские поля стороной. Жизнь здесь застыла, потерялась во времени. И сегодня крестьянин обрабатывает затвердевшую словно камень землю точно так же, как это делали и сто, и двести, и тысячу лет назад: кетменём («кетмень» — мотыга. — Авт.) и лопатой. Труд этот тяжел и изнурителен.

С автоматом же гораздо проще. При минимальной затрате усилий — те же деньги, а то и на порядок больше. Сидишь целый день, ничего не делаешь. Ночью постреляешь — тебе заплатят. Для них война стала чем-то вроде непыльной, неплохо оплачиваемой работы. Ни больше ни меньше.

Тем, кто корячился с мотыгой, — платил Советский Союз. Тем же, кто стрелял по ночам, — американцы.

И когда говорят, что они отстаивали свою страну, — это в корне неверно. Мы на нее не претендовали.

В. Ш.: «Смотрю, как сейчас воюют американцы, и вижу, что они допускают те же ошибки, что и мы. Есть тезис — нельзя воевать с народом. Народ победить нельзя, вне зависимости от уровня его развития. Его можно уничтожить. Особенно афганский народ. Страну, в которой мужчины держат в руках автомат чуть ли не с самого рождения, победить нельзя. Этому учит вся тысячелетняя история этого гордого и независимого народа. Сражения выигрывает армия, а войну выигрывает народ. К сожалению, сегодня об этом забыли».

***

Генерал-майор Шумилов не любит вспоминать те годы. Они болят в его душе. То боль особая. Притихшая, но не отступившая. Она саднит незаживающей раной. И сегодня Вячеслав Григорьевич пытается донести до слушателей факультета Генерального штаба открывшиеся ему за седьми хребтами Гиндукуша истины. Поделиться с ними бесценным боевым опытом, оплаченным утраченным здоровьем, потерями друзей, лишениями и душевными муками.

Опытном, оплаченным солдатской кровью, человеческими жизнями и судьбами.

В. Ш.: «Мы должны идти в фарватере изучения военного искусства. Должны четко понимать происходящее с научной точки зрения. Однако прежде всего надо использовать все самое лучшее, самое ценное, самое полезное из того накопленного в больших и малых войнах и военных конфликтах прошлого столетия опыта. Это необходимо для того, чтобы вывести уровень боеготовности Вооруженных Сил нашей страны на совершенно новый качественный уровень».